

Глава 7. Не похож на зрителя

Такой выход на сцену превосходил самые смелые пределы скудного воображения учеников внешней школы.

Два старейшины на помосте, несмотря на всю свою мудрость, не могли понять, какой спектакль решил разыграть Чжао Юйпин.

— Дьякон Чжао, что здесь происходит?

Чжао Юйпин чувствовал себя тысячу раз оклеветанным.

«Цзихэн, дядя к тебе всегда хорошо относился, почему же ты не можешь быть хоть немного сообразительнее?»

— Те, что сзади, несут шезлонг, опустите его!

Словно им было мало позора. Чжао Юйпин сверкнул на них гневным взглядом.

К сожалению, расстояние было слишком велико. Чжао Цзихэн, встретившись с взволнованным взглядом дяди, принял его за похвалу и, взмахнув рукой, громко скомандовал:

— Опускай!

Шезлонг плавно опустился на землю. Сун Цяньцзи потёр виски.

До какой же степени лени нужно дойти современным молодым людям, чтобы хранить в своей пространственной сумке шезлонг с подушками?

И чтобы его ещё можно было так запросто вынести.

— Старший брат Мэн вернулся! — крикнул кто-то, и дюжина учеников тут же бросилась к Мэн Хэцзэ.

— Старший брат Мэн, ты в порядке? — эти ученики, которым он когда-то помогал, не скрывали своего беспокойства. — Ты не ранен?

Мэн Хэцзэ только что выбрался из пещеры. Его головной убор съехал набок, а одежда была испачкана грязью и травой, вид у него был довольно потрёпанный.

Увидев это, толпа предположила, что он попал в беду и чудом спасся. Они с гневом посмотрели на группу Чжао Цзихэна и, конечно, не обошли вниманием и Сун Цяньцзи в шезлонге.

Чжао Цзихэн, не желая уступать, положил руку на рукоять меча, и семеро-восьмеро его приспешников последовали его примеру.

Казалось, одного слова Мэн Хэцзэ было достаточно, чтобы обе стороны схлестнулись в драке прямо на глазах у всех.

Но Мэн Хэцзэ лишь улыбнулся.

— Пусть творят свои тёмные дела, покуда со мной старший брат Сун, любая беда обернётся удачей.

Толпа ничего не поняла.

«Что? Какой ещё старший брат Сун? Ты что, хорошо знаешь Сун Цяньцзи?»

Одна из учениц, сведущая в медицине, выступила вперёд.

— Старший брат Мэн, ты не ранен? Давай я тебя осмотрю.

Она хотела увести Мэн Хэцзэ подальше, чтобы разрядить напряжённую и странную обстановку.

Но Мэн Хэцзэ не двинулся с места.

— Старший брат Сун ранен, спасая меня. Я должен о нём позаботиться.

Чжао Цзихэн тоже не собирался его отпускать.

В итоге вокруг шезлонга Сун Цяньцзи собралась толпа из нескольких десятков учеников, разделившаяся на два враждебных лагеря. В воздухе запахло порохом.

Чжао Юйпин готов был содрать с Сун Цяньцзи и Мэн Хэцзэ кожу, но, с улыбкой на лице, он поспешно спустился с помоста и, встав среди учеников, громко, чтобы все слышали, произнёс:

— Зал Дьяконов очень за вас беспокоился! Хорошо, что вы вернулись живыми и здоровыми. Сегодняшний отбор можно не откладывать. Я думаю, начнём с Сун Цяньцзи.

Мэн Хэцзэ встретился с его, казалось бы, доброжелательным, но на самом деле ядовитым взглядом. По его спине пробежал холодок, но он не отвёл глаз и продолжал смотреть прямо на Чжао Юйпина.

— Благодарю вас за вашу доброту, — улыбнулся Сун Цяньцзи. — К несчастью, прошлой ночью я получил травму и вынужден отказаться от участия.

Толпа ахнула.

— Сун Ло сказал, что отказывается? Я не ослышался?

— Точно! Не везёт ему, в этот раз он точно станет Сун Саньло, ха-ха!

— Что-то не сходится! Дьякон Чжао проявил такую заботу, Сун Ло мог бы воспользоваться случаем и попросить у него духовное лекарство, тогда бы он смог участвовать в состязании.

Эта мысль показалась многим разумной. Серьёзная травма для ученика внешней школы — пустяк для ученика внутренней, дело одной пилюли. На глазах у всех дьякон Чжао вряд ли осмелился бы отказаться.

— Говорите тише, не подсказывайте Сун Ло!

Отказ от участия во внешней школе не был редкостью. Каждый год больше половины учеников добровольно отказывались от этой возможности.

Выходить на арену, не имея способностей, — значит лишь опозориться. Лучше уж быть зрителем и смотреть, как другие показывают своё мастерство.

Но никто не ожидал, что Сун Цяньцзи согласится быть зрителем.

Уж больно его лицо не походило на лицо зрителя.

Чжао Цзихэн слегка наклонился, положив правую руку на рукоять меча, а левой резко схватившись за подлокотник шезлонга, и тихо усмехнулся:

— Что ты ещё задумал? Если ты действительно откажешься от вступления во внутреннюю школу, я этот шезлонг съем!

— Па, — Сун Цяньцзи взмахом рукава легко отбросил его руку. — Не попрошайничай здесь.

— Ты! — гнев застрял у Чжао Цзихэна в горле. — Это мой шезлонг!

Мэн Хэцзэ встал между ними.

— Не трогай старшего брата Суна, — предупредил он.

Чжао Цзихэн подскочил и уже открыл было рот, но, встретившись со взглядом Чжао Юйпина, проглотил все ругательства. Грудь его тяжело вздымалась.

— Отказаться, конечно, не проблема! Всегда можно попробовать в следующем году, — Чжао Юйпин всё ещё улыбался. Он посмотрел на небо и вздохнул. — Но тебе в этом году уже пятнадцать, в следующем будет шестнадцать. Ты же мечник, возраст костей очень важен. Если ты поступишь во внутреннюю школу в шестнадцать, захочет ли кто-нибудь из старейшин-мечников взять тебя в ученики? Разница всего в один год, с пятнадцати до шестнадцати, но иногда это — целая пропасть...

Сун Цяньцзи молчал, опустил глаза, словно задумавшись, но на самом деле он просто витал в облаках.

В отличие от него, лицо Мэн Хэцзэ становилось всё мрачнее.

Он знал, что это правда. Дети из кланов бессмертных начинали держать меч в шесть лет, в семь уже соревновались в техниках, а в восемь «закаляли кости меча».

«Закалка костей меча» обычно проходила под руководством наставника с использованием духовных лекарств и техник, чтобы с самого детства влиять на рост костей и меридианов, делая их более подходящими для фехтования.

Старшему брату Суну уже пятнадцать. Промедление с каждым днём будет лишь усложнять его путь.

Чжао Юйпин протянул руку, и стоявший за ним дьякон, поняв его без слов, вложил ему в ладонь маленький нефритовый флакон.

Он повертел флакон в руках и, глядя на Сун Цяньцзи сверху вниз, протянул его ему.

— Я не могу спокойно смотреть, как жемчужина покрывается пылью. Ты ещё молод и не знаешь, что некоторые возможности, упущенные однажды, уже не вернуть, а с некоторых дорог, свернув не туда, уже не вернуться.

Это был многозначительный намёк. Чжао Юйпин был уверен, что Сун Цяньцзи его поймёт.

«Твоё вчерашнее неповиновение не имеет значения. Я могу закрыть на это глаза и дать тебе последний шанс»

Изящный нефритовый флакон сверкал в лучах утреннего солнца.

Многие ученики внешней школы смотрели на него с завистью.

— «Пилюля Нефритовой Росы для восстановления Изначальной энергии»! Кто там говорил, что Сун Ло — неудачник? Вот же она, удача!

Мэн Хэцзэ тоже покраснел от зависти.

Блеск нефритового флакона отразился в его глазах, словно искра.

Гнев заставил его глаза налиться кровью.

Сун Цяньцзи был ранен, спасая его, а он не мог дать ему даже одной хорошей пилюли. И даже когда виновник лицемерно предлагает милостыню, он может лишь молча терпеть, стоя как истукан.

Быть таким беспомощным — позор для благородного мужа!

Сун Цяньцзи поднял глаза и обвёл взглядом толпу.

Чжао Юйпин был мастером манипуляций. Если бы ему действительно было пятнадцать, он бы уже давно был сбит с толку этим методом кнута и пряника.

В прошлой жизни, в это же время и в этом же месте, его презирали, судили и избивали кнутом.

В этой жизни он, отбросив всё, без желаний и стремлений, нежился на солнце, и ему было тепло.

В Сосуде Очищения в его Пурпурном дворце «Источник Бессмертия» сиял жизненной силой. Вокруг него были юные, наивные лица, которые он видел когда-то давно, но уже не помнил.

Сун Цяньцзи медленно протянул руку. Его движение было таким медленным, что окружающие готовы были сами схватить за него пилюлю.

Его пальцы наконец коснулись нефритового флакона, но лишь для того, чтобы оттолкнуть его.

— Дьякон Чжао, я ценю вашу доброту. Но это было бы нечестно по отношению к другим. Я хочу поступить во внутреннюю школу своими силами. Если же я упущу свой шанс из-за возраста, значит, такова моя судьба, и винить в этом некого.

К всеобщему удивлению, на площади воцарилась тишина.

Сун Цяньцзи отказался?! Никто, кроме Мэн Хэцзэ, этого не ожидал.

— Ты больной?! — потрясённо воскликнул Чжао Цзихэн. — Ты хоть знаешь, что в этом флаконе? Десять таких, как ты, не смогли бы это купить!

Эта сцена была до боли знакомой.

Многие вспомнили, как Сун Цяньцзи, только прибыв в школу, отказался стать слугой личной ученицы.

Тогда гордый и уверенный в себе юноша, прямой, как сосна, теперь, раненый, лежал в шезлонге, но всё так же без колебаний говорил те же слова.

Можно было подумать, что три года неудач сломали его гордость, оставив лишь угрюмость и замкнутость, но в душе он оставался горд.

Он всё ещё хотел добиться всего сам.

Он всё ещё хотел справедливости.

При этой мысли в сердцах многих смешались разные чувства.

Как бы они ни недолюбливали Сун Ло, сейчас они не могли произнести ни одного насмешливого слова. Максимум — кисло пробормотать:

— А этот Сун Цяньцзи — кремень.

Сун Цяньцзи был не кремень. У него просто не было другой причины для отказа.

Если бы он сказал, что больше не хочет совершенствоваться, ему бы никто не поверил.

Зрачки Чжао Юйпина сузились. Он вдруг понял, что не может разгадать этого юношу.

Он изменился. Но что именно в нём стало другим?

Улыбка наконец исчезла с его лица.

Два старейшины на помосте, так и не поняв, что задумал Чжао Юйпин, потеряли терпение.

— Раз уж они вернулись, почему бы не начать? — низким голосом поторопил старейшина Ли.

Чжао Юйпин, словно не слыша, продолжал стоять с протянутым флаконом.

Атмосфера резко накалилась, стала ледяной.

Больше никто не завидовал Сун Цяньцзи.

Если дьякон Чжао настаивает, осмелится ли он отказаться? Осмелится ли не выйти на арену?

Внезапно сбоку метнулась рука и схватила нефритовый флакон.

Это было похоже на внезапный выпад меча, быстрый, как молния, не оставляющий шансов.

Мэн Хэцзэ сжал флакон, его правая рука слегка дрожала. Лево́й он схватился за подлокотник шезлонга, а в глазах его горел огонь.

— Я пойду! Я буду сражаться вместо старшего брата Суна!

<http://bllate.org/book/16982/1581991>